

коллекция

КАРНАВАЛ

историй

ПОДАРКИ!
Подробности на стр. 35, 63, 71, 105

**Татьяна
Визбор**
О тайнах
семьи
знаменитого
барда

**Сын Сергея
Филиппова:**
«В заявлении
отец написал,
что меня надо
наказать,
а лучше —
расстрелять»

**Даная
Пригожина:**
«Папа прислал
СМС мне
и маме, что
умер для нас»

**Александр
Мохов:**
«Смущало
лишь то, что
Ира моложе
меня на 28 лет»

Анастасия Макеева
о разводе:

«Свекровь сказала — вы вместе
с Глебом, пока я позволяю»

ISSN 1818-4383

10

9 771818 438774

коллекция **КАРАВАН**
историй

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА ЗВЕЗД

12

Анастасия Макеева
Территория
страсти

40

Александр Мохов
Дорога перемен

ИМЕНА

84

Даная Пригожина
Родная кровь

стр. 84

стр. 12

стр. 158

116

Татьяна Визбор
Не верь
разлукам...

158

Юрий Филиппов
Отец. Долгое
возвращение

ФАНТАЗИИ

Проекты Екатерины
Рождественской

110

Лети с приветом,
вернись с ответом!

154

Частная
коллекция

стр. 116

стр. 110

Фото: Олег Зотов
Стиль: Светлана Румянцева
Визаж: Катя Бобкова
Продюсер: Екатерина Шутылева

АНАСТАСИЯ МАКЕЕВА

ТЕРРИТОРИЯ СТРАСТИ

Дома я только и слышала: «У меня эфир!» Перед выступлениями он был как оголенный нерв, хотелось поддержать, но я не осмеливалась подойти. В нашей жизни совсем не осталось легкости, радости. А ведь я любила его. И думала, что все поправимо: надо только сесть рядом, обнять Глеба и поговорить.

Когда меня взяли на роль Рокси в мюзикл *Chicago*, проснулся профессиональный азарт: наконец смогу должным образом заявить о себе на сцене! С Ликой Руллоу на премьере в МДМ

Я была как герой мультика «Золотая антилопа»: «Еще золота, еще!» Загнала себя настолько, что однажды меня попросту отвезли в больницу

В начале июня мы с Глебом подали документы на развод. Делал он это настолько спокойно и невозмутимо, что я спросила:

— Ты хоть что-нибудь чувствуешь?

— Здесь душно...

Вот и все эмоции по этому поводу у моего бывшего мужа. Глеб разошелся со мной настолько равнодушно, будто просто сменил квартиру: ни сожалений, ни рефлексии, ни хороших воспоминаний. Ни-

че-го. Поэтому когда меня спрашивают:

— Вы прожили вместе шесть лет, разве тебе не жалко времени? Может, стоило все начать сначала? — я отвечаю:

— К сожалению, это невозможно. Того человека, которого я полюбила, больше нет. Он стал совсем чужим.

Конечно, эта метаморфоза произошла не за один день. Четыре года мы жили как все счастливые пары: наслаждались влюбленностью, путеше-

ствовали, поддерживали друг друга в профессии. А потом карьера мужа резко пошла в гору — его стали постоянно приглашать на разные шоу. И вся наша жизнь стала «закулисьем» этих программ — я была полностью подчинена новому расписанию мужа, настроению Глеба, кардинально менявшемуся в зависимости от его взлетов и неудач в шоу.

До этого я даже не подозревала, что замужем за арти-

стом, — думала, что вышла за композитора, который талантливо делает свое дело. И не догадывалась о масштабах творческой жадности, которую Глеб аккумулировал в себе: он очень долго работал в стол. Это был кропотливый, тяжелый труд. И я не придавала значения тому, что его энергия не находит достаточного выплеска. Ког-

остановиться, если бы мой организм не выкрикнул: «Стоп!» Загнала себя настолько, что однажды меня попросту отвезли в больницу в крайнем истощении. Но в моем проекте был установлен таймер — гонка закончилась в конце театрального сезона. Я еще какое-то время восстанавливалась, в полной мере ощутив, что такое работа на износ.

А потом его пригласили на съемки «Точь-в-точь» — и мы опять стали существовать в режиме форс-мажора. Члены жюри — Геннадий Хазанов, Любовь Казарновская, Михаил Боярский и Леонид Ярмольник — говорили: раз Макеева появилась среди зрителей, значит, следующим номером выйдет Матвейчук. По-моему, ни к одному участнику больше

Метаморфоза произошла не за один день. Четыре года мы жили как все счастливые пары: наслаждались влюбленностью, путешествовали...

да же Глеб наконец дорвался до массового зрителя, это привело к зависимости от успеха. И я его прекрасно понимаю, ведь сама к тому моменту уже пережила похожее состояние.

Глеб с этим не согласен, но я убеждена, что мы с ним просто не совпали по времени в своих желаниях. Когда познакомились, я была востребованной актрисой — имела по двадцать восемь съемочных дней в месяц, хорошо зарабатывала. Но при этом рвалась на театральные подмостки... Поэтому когда меня взяли на роль Рокси Харт в мюзикл Chicago, во мне проснулся профессиональный азарт: наконец смогу должным образом заявить о себе на сцене! Это были и творческий рост, и огромное желание зрительского признания. В тот момент была как герой мультика «Золотая антилопа»: «Еще золота, еще!» И я бы не смогла

И телешоу просто так их участникам не даются — это сплошные нервы! Особенно при самокритичности Глеба: он и так постоянно из-за всего переживает, а тут нужно было соревноваться с другими профессионалами на глазах у целой страны! От стресса начались проблемы. Врачи говорили: «У вас связки в порядке». Но Глеб сипел... И виновата в этом вдруг оказалась жена. «Это из-за тебя я все время психую!» — сказал Глеб.

А мне казалось, что я все делаю для него. На выступлениях болела за Глеба, подносила воду за кулисами. Три часа ночи, а я сижу в павильоне, жду, пока муж освободится. И когда он, победив в шоу «Две звезды», в благодарственной речи со сцены не упомянул меня, даже не обиделась — настолько радовалась за него.

Глеб пребывал в эйфории после своей победы, мы поехали отдыхать, все было замеча-

не приходили родственники. Владимира Преснякова я, например, видела в зале только один раз: болел за Наташу Подольскую. Я же была в зале будто на дежурстве, но не улыбалась от Глеба даже простого человеческого спасибо. Он воспринимал мое присутствие и восхищение им как должное. Привык к этому. Помню, года два назад приехали на «Кинотавр». За завтраком я подсела к Карену Шахназарову.

— Привет, как дела? — спрашивает он.

— Ой, Карен Георгиевич, мой муж такой спектакль написал! — и давай ему все в красках описывать.

Появился Глеб. Карен Шахназаров говорит:

— Удивительная у тебя жена — сидит с режиссером и вместо того чтобы, как все артистки, себя рекламировать, час рассказывает о своем муже. Бери ее пиарщиком, не пожалеешь!

Я жила Глебом, его достижениями, проблемами. А в результате мои собственные отходили на второй план —

все обсуждения в доме касались лишь творческого пути мужа, который стал похож на забег спринтера. Сначала бы-

ло «Точь-в-точь», а потом, практически в это же время, «Битва титанов»... До этого еле отговорила его от «Лед-

Наша жизнь стала «закулисьем» программ — я была подчинена настроению Глеба, менявшемуся в зависимости от его взлетов и неудач в шоу

никового периода»: «Ты в свои тридцать три года впервые встанешь на лед, а если травма? И дышать холодом по восемь часов вредно, это отразится на голосе!»

Глеб согласился со мной, но продолжал существовать в параллельной реальности своих телеэфиров. Они стали главным в его жизни. Я организовала гастрольи нашему спектаклю «Территория страсти», а Глеб в последний момент не смог поехать: предложили дополнительные съемки. И его не слишком волновало, что проекту предъявили неустойку, что пострадала наша репутация: артист заявлен, но не приехал.

Дома я только и слышала: «У меня эфир!» Перед выступлениями он был как оголенный нерв, хотелось поддерживать, но я не осмеливалась подойти. В нашей жизни совсем не осталось легкости, радости. А ведь я любила его. И думала, что все поправимо: надо только сесть рядом, обнять Глеба и поговорить.

Когда муж победил в шоу «Две звезды», он пребывал в эйфории. Я тоже была счастлива

Глеба пригласили на съемки «Точь-в-точь» — и мы опять стали существовать в режиме форс-мажора

Я была в зале будто на дежурстве, но не слышала от Глеба даже простого спасибо. Он воспринимал мое присутствие и восхищение им как должное

Я всегда за диалог. А Глеб к этому почему-то не стремился. Каждый раз отнекивался: «Давай потом, сейчас много работы» или «Устал, хочу отдохнуть спокойно». Отдых для него — наслаждение музыкальными композициями в наушниках и в полном одиночестве. Муж не

раз говорил: «Если у меня на лице ничего не написано, это не значит, что я ничего не чувствую». Но пробиться к нему настоящему было очень сложно. Когда удавалось Глеба расшевелить — это были моменты, за которые я его любила. Видела, что он живой.

Сначала я относила это отсутствие эмоций в наших отношениях к тому, что муж — человек замкнутый. А сейчас понимаю, что он просто не привык думать о ком-то, кроме себя. Например, мы собирались на премьеру мюзикла «Mamma Mia!», где у

меня главная роль. Весь спектакль — в бело-голубой гамме. Конечно, хотелось гармонировать с Глебом на снимках с премьеры — чтобы он был одет в том же стиле. Говорю:

— Прошу, надень голубую рубашку.

— Нет, хочу черную!

Не чувствовал, насколько я волнуюсь в такой момент и как важна мне его поддержка. В результате уговоров он надел голубую рубашку, но так и не понял, почему мне это было нужно. А я перед его выступлениями ходила на цыпочках, делала все, как ему нравится. Я просила Глеба о передышке в его марафоне. Он ответил: «Хочу сольник, потом посмотрим».

Во время концерта, который с аншлагом прошел в БКЗ Санкт-Петербурга, Глеб узнал, что в зале сидит его первая учительница по нотной грамоте, которая специально приехала из Минска. Он вызвал ее на сцену — и несколько тысяч человек аплодировали женщине, двадцать лет не видевшей своего ученика. Это трогательно, конечно, но за все выступление Глеб ни разу не упомянул свою жену — будто меня не было в его жизни.

На семью у мужа не оставалось времени: валяться в кровати, гулять по парку, ездить в отпуск... Жить как все нормальные люди! А между тем мне тридцать четыре года, и

мои подруги уже детей в школу водят. Я говорила:

— Мне нужен не живущий от эфира до эфира муж, а тот, с кем мы будем выбирать обои в детскую комнату.

— Как-нибудь потом! Ты не понимаешь, что сейчас для меня главное!

Я, конечно, могла родить ребенка для себя. Но хотелось разделить с мужем радость от того, что наш малыш скажет первое слово, у него появится первый зуб... Предупреждала Глеба: «Два шоу я продержалась, третьего не переживу». Так и случилось.

Весь этот период мы были заодно с его мамой, которая тоже волновалась за сына. У нас с самого начала сложи-

Члены жюри «Точь-в-точь» говорили: раз Макеева появилась среди зрителей, значит, следующим номером выйдет Матвейчук

лись прекрасные отношения: часто вместе справляли праздники, я покупала родителям мужа подарки — Глеб вечно не успевал. Была чудесная творческая семья: свекровь — художник по гриму, свекор — художник-постановщик и муж — композитор... До того момента, пока мы с Глебом и его

мамой не стали вместе работать на проекте «Территория страсти». На одну кухню пришли две хозяйки...

Два года назад Глеб ушел из Театра Моссодета, где мы оба работали приглашенными артистами. Он несколько лет готовил там музыкальный спектакль «Опасные связи», но тот

так и не увидел сцены. Глеб покинул театр, забрав спектакль, к которому написал музыку. Он дал ему новое название — «Территория страсти» — и превратил в антрепризу. Свекровь уговорила вложиться в нее актера Александра Балужева, с которым ее связывают не только рабочие, но и дру-

Появился Глеб. Карен Шахназаров говорит: «Удивительная у тебя жена — вместо того чтобы себя рекламировать, час рассказывает о муже»

С Кареном Георгиевичем и Глебом на 34-м Московском международном кинофестивале

ФОТО: Д. ВЫШИНСКИЙ/КОММЕРСАНТЪ

жеские отношения. И на этом основании художник по гриму Ольга Шалимовна вдруг объявила себя продюсером! Теперь свекровь постоянно

вмешивалась в творческий процесс и все контролировала. Смущало главным образом то, что она абсолютно не понимала кухни и законов этого

рынка... «Хорошо, что вы решили стать продюсером, а не хирургом!» — шутила я.

Глеб тоже прекрасно понимал, что его мама оказалась

ума!» А Глеб рассуждал по-другому: это же мама, зато она чем-то интересным для себя занимается! Правда, от нее теперь зависела судьба нашего проекта и всех артистов.

В числе первых продюсерских решений Ольги Шалимовны было продвинуть на одну из главных ролей абсолютного дилетанта в актерской профессии. Ее протеже Света — довольно странный персонаж в нашей истории. Это бывшая девушка Глеба, которая даже после их расставания осталась неотъемлемой частью семьи Матвейчук и называла его родителей папой и мамой. Чуть до смены фамилии в паспорте не дошло. Видимо, Матвейчуки были ей ближе собственных родителей. Мне же предлагалось считать ее сестрой, чего я, конечно, делать не стала.

Света ходила на все премьеры к моему мужу, иногда вместе с моим свекром... Я видела, что она не претендует на Глеба как женщина, но мне все равно было некомфортно рядом с ней. Меньше всего хо-

делать карьеру. Ольга Шалимовна обучила Свету профессии гримера, устроила несколько эпизодов в кино, а потом выпросила для нее одну из главных ролей в «Территории страсти». Конечно, меня, профессиональную актрису, коробило, что не имеющая никакого отношения к театру девочка играет Сесиль де Волланж только потому, что она хороший человек и выгуливает собаку моей свекрови! Я пыталась сопротивляться, но Глеб не смог отказать маме...

И теперь представьте, какие чувства я и другие профессионалы, например заслуженный артист Валерий Яременко, пережили на спектакле: поем вживую, а рядом Света под фонограмму рот открывает. Но на поклонях наравне со всеми собирает букеты от благодарной, ни о чем не подозревающей публики и всем рассказывает, что она теперь солистка мюзиклов и профессиональная актриса! Это же унижение нашей профессии. Получается, кто угодно может

Однажды свекровь мне сказала, мол, ты же прекрасно, Настя, понимаешь, что вы с моим сыном вместе ровно до тех пор, пока я вам это позволяю!

не на своем месте, но... Если бы муж решил вдруг, например, без всякого образования стать гинекологом, я честно ему сказала бы: «Ты сошел с

телось, чтобы Света лезла в нашу семью. Но она была упорна в достижении своих целей и постепенно с помощью семьи Матвейчук стала

выходить на театральные подмостки в музыкальном спектакле и делать вид, что поет? Давайте еще мою маму пригласим в спектакль или сосед-

ку, которая всегда выручает, если хлеб заканчивается: они тоже очень хорошие люди. В конце концов, это подло по отношению к зрителям: в зале — полторы тысячи человек, билеты не копейки стоят. Для многих поход в театр — собы-

тие, ради которого специально покупается платье. Люди пришли смотреть на профессионалов, а не на дешевую профанацию.

Терпеть такое было выше моих сил, и я, понимая, чем протест может обернуться,

все-таки сказала мужу: «Глеб, сцена — моя жизнь, я не могу и не хочу превращать свое дело в капустник. Хотите, чтобы Света играла, — пусть поет вживую, покажет, на что способна». Муж в результате пошел против воли матери и

Хотелось гармонировать с Глебом на снимках с премьеры: «Надень голубую рубашку». — «Нет!» Не чувствовал, как важна мне его поддержка

снял Свету с роли. Но из проекта она никуда не делась — стала администратором мюзикла. А я с этих пор превратилась в недруга и для нее, и для свекрови.

Это был наш первый открытый конфликт, с которого началась настоящая вражда. По какому бы вопросу, касающемуся спектакля, я ни говорила с Ольгой Шалимовной, меня неизменно слушала свекровь, а не продюсер. Нельзя было высказать свое мнение, если оно в чем-то расходилось с ее точкой зрения, даже в том, где я разбиралась лучше в силу своей профессии. Всегда готова подчиняться авторитетному человеку, например своему мастеру Марку Анатольевичу Захарову, но художнику по гриму... Глеб оказался меж двух огней и просто самоустранился: «Девочки, разберитесь сами, пока все это не закончилось плачевно!»

В результате Глеб выполнил мою просьбу, но так и не понял, почему это было мне нужно

Потом грянул кризис, понадобилось урезать бюджет... Я как агент продавала наш спектакль по городам. Мне нужно было объяснять прокатчикам, на что они дают деньги. Мероприятие затратное: обычно антрепризы максимум на пять-шесть актеров, а в нашей постановке — двадцать четыре человека. Нужны средства на проезд, прожива-

Тогда я спросила у Ольги Шалимовны, чем мне будет помогать Света в качестве администратора, и услышала, что это не мое дело — они везде будут ездить вдвоем: «Мы одна семья и должны держаться вместе!»

А между тем семейные ценности семьи Матвейчук всегда казались мне немного странными. Они считают себя очень сплоченными, однако послед-

— Но ты же не ушла со мной из Театра Моссовета!

Понятия не имела, что у мужа тогда было желание, чтобы я поддержала его в этом из солидарности. Я не телепат. И это мой творческий путь — я бы оказалась перед серьезным выбором, ведь у меня в театре две замечательные роли. Мне казалось, что Глеб все понимает,

Я говорила: «Мне нужен не живущий от эфира до эфира муж, а тот, с кем мы будем выбирать обои в детскую комнату». — «Как-нибудь потом!»

ние... Мне предложили либо сократить зарплату артистам, либо уменьшить их число. Прошлись по списку, убрали пару человек из балета... Потом возник вопрос: «А почему с вами едет продюсер? Он мог бы работать из Москвы». При этом нелишне уточнить, что у Ольги Шалимовны и райдер соответствовал статусу продюсера: это касается транспорта и отеля, кроме того в смету, как и для всех, добавляются командировочные и зарплата. Я всегда фиксирую свои переговоры и готова была предоставить аудиозапись встречи с прокатчиками мюзикла Ольге Шалимовне. Но свекровь все равно стала меня обвинять, что пытаюсь выжить ее из проекта. Она все перевела в плоскость личных отношений. И как в такой ситуации вести бизнес?

Глеб сказал, что его мама будет по-прежнему сопровождать труппу на гастролях.

ний Новый год мы встречали с отцом Глеба, а Ольга Шалимовна отдыхала в Италии с кем-то еще. У них вообще все слишком независимые друг от друга: Глеб сам по себе, родители постоянно в разъездах, отпуска проводят отдельно. Нет традиции собираться на даче, ездить всем вместе за город. У каждого на первом месте — карьера. Мне это непонятно. Я выросла на Кубани и привыкла к другому типу семьи: мы компанией собирали хворост, жарили мясо, играли в настольные игры, пели у костра...

Честно скажу: отношения в труппе к тому времени уже были очень напряженными. И я предложила мужу:

— Давай вместе уйдем из проекта и все отдадим твоей маме, раз она этого так хочет.

— Почему я должен уходить?! — возмутился Глеб.

— Потому что я, твоя жена, больше не могу в этом участвовать. Поддержи меня...

раз не был против, что я осталась. Считала это еще одним доказательством того, что он меня любит.

Первые годы совместной жизни мы почти не ссорились, но когда начались все эти выяснения на нашей «Территории страсти», вдруг оказалось — это не отменяло обид... Муж не выкидывал их из головы, а старательно копил. И теперь все вырвалось наружу: он умудрялся цитировать то, что происходило три-четыре года назад. Я порой даже не помнила, о чем речь, удивлялась искренне: «У нас такое было?» А Глеб воспринимал это как оскорбление: мол, я все помню, просто издеваюсь над ним. Превратил свою душу в какой-то склад нерешенных проблем.

Я не могу долго дуться, для меня это ад, проще попросить прощения. А обиженный Глеб надолго замыкался в себе — мог неделю не разго-

варивать, а я ломала голову: из-за чего? Потом это выливалось в ссору — просто потому, что накопилось раздражение.

Когда я предложила мужу уйти из проекта, это нисколько не ущемляло его творче-

ских интересов: Глеб не любил ни гастроли, ни театр. Его волновала только сольная карьера, где артист один на сцене. А театр — коллективное творчество. Не уходил он по одной причине: «Мама хочет, чтобы я тут играл».

Теперь он выполнял любые ее капризы. При том, что изначально я не видела у Глеба какого-то чрезмерного обожания матери: он одиночка, главное — его мир. А тут проявилась какая-то болезненная зависимость. Чуть что не так,

Была чудесная творческая семья, пока мы с Глебом и его мамой не стали вместе работать на проекте. На одну кухню пришли две хозяйки

Ольга Шалимовна хваталась за сердце и ей вызывали скорую. Постоянно плакала. Мать Глеба упирала на жалость, чувство вины: она пожилой человек, с ней надо считаться. И в результате в начале апреля Матвейчук объявил, что... увольняет меня! Спросила:

— У тебя есть претензии к моей игре? К тому, как я организовала гастроли?

— Нет.

— И в угоду маме ты снимаешь из спектакля профессионала, на которого идет зритель? Остаешься с теми, кто пустит этот корабль ко дну?..

— Я не могу отказаться от матери, — повторял Глеб.

А я предлагала отказаться не от матери, а от такого продюсера или от проекта... Для меня вообще роль в этом спектакле была не столь важна — я достаточно востребована. Могла бы уйти из «Территории страсти» сама, оставив Глеба дальше работать с его мамой. Но мне было нужно понять, поддержит меня муж или нет. Не поддержал...

Однажды свекровь мне сказала, мол, ты же прекрасно, Настя, понимаешь, что вы с моим сыном вместе ровно до тех пор, пока я вам это позволю! Я, конечно, не хотела ей верить — все-таки мы с мужем взрослые самостоятельные люди, но жизнь показала, что это были не пустые угрозы. Глеб понимал, что его мать

намеренно разрушает нашу семью, но все равно сделал выбор в ее пользу.

С другой стороны, если муж так легко отказывается от жены, чего о нем сожалеть? Мы расстались не сразу — какое-то время я оставалась женой. Но отношения треснули — не склеить. Глеб меня предал, он меня не предпочел!

Слишком много всего накопилось, груз неразрешенных проблем давил. Выяснилось, что мы не сходимся во взглядах на семью. Глеб говорил, что семья — это мама с папой. А жена в понятие семьи не входила. Но мне кажется, в тридцать пять лет пора уже отлепиться от родителей и писать свою книгу жизни.

Коробило, что девочка играет Сесиль де Воланж только потому, что она выгуливает собаку моей свекрови! Но Глеб не смог отказать маме...

Спектакль «Территория страсти» на сцене Театра эстрады

В числе первых продюсерских решений Ольги Шалимовны (вторая слева) было продвинуть на одну из главных ролей бывшую девушку Глеба

Не прошло и месяца, как Глеб прислал мне СМС, когда была в отлучке: «Я собрал свои вещи и решил уйти». Спросила только: «Мы не можем ошибаться?» — «Наверное, нет — для меня невозможно, чтобы мама и жена были в таких сложных отношениях». — «Время лечит: все ссорятся и мирятся, может, мы смогли бы это пережить?» Я была готова делать шаги навстречу, а Глеб — нет.

Сейчас я начала сомневаться, любил ли он меня. Разве можно мгновенно все забыть, если шесть лет просыпался с человеком в одной постели? А Глеб, с тех пор как собрал вещи и ушел, ни разу не позвонил мне. Словно просто выкинул старый диван и на его место поставил новый.

Первый месяц я не могла говорить об этом, сразу начинала плакать. Старалась не ночевать дома, чтобы не просыпаться одной в своей большой кровати. Развод для женщины — всегда поражение. Я пыталась создать семью: с мужем совладала, но такой роуль в кустах, как свекровь-начальница, предусмотреть не смогла. У меня не получилось... Наверное, женщина должна быть мудрее, проницательнее. А с другой стороны — всего этого кошмара в моей жизни

больше нет: давления мамы Глеба, выяснений что такое семья, отстаивания своего места рядом с мужем...

Естественно, я понимаю, что в разводе всегда виноваты оба. И из этого опыта сделала выводы. Зачем вела себя с Глебом как мамочка, окружая его опекой, о которой он не просил? Мне казалось, что в этом и заключается поддержка, но

я не замечала, что порой она становилась чрезмерной. Хотелось и дома, и на работе быть рядом с мужем, а Глеб призывал разделять эти сферы. В творчестве муж всегда старался отделиться — он одиночка. Но я к его желанию не прислушивалась, вела свою линию. Взвалила на свои плечи и часть мужских обязанностей: все решения по быто-